Беларусь: российский буфер от НАТО?

Евгений Прейгерман

Комментарий № 6 / 17.11.2017 [1]

Периодически в медийном пространстве (особенно в западных странах) встречается мнение о том, что Беларусь является буферным государством. Обращаясь к концепции буфера, некоторые авторы пытаются охарактеризовать стратегическое место Беларуси в системе региональной безопасности. Автоматически использование этой концепции отсылает к международной субъектности страны, ее возможностям и ограничениям в международной политике.

Насколько оправдано применение концепции буферного государства к Беларуси? Есть ли для этого теоретические и эмпирические основания? И самое главное: насколько концепция буфера помогает понять положение Беларуси в региональных отношениях и логику ее внешней политики? Попробуем ответить на эти вопросы на нескольких уровнях анализа.

Системный уровень анализа

Классическое определение буферного государства в теории международных отношений является системным. Другими словами, оно характеризует структурное место государства в международных отношениях и при этом обусловливает статус буфера наличием признаваемых крупными государствами международных договоренностей (формальных или неформальных). Так, Джон Чей и Томас Росс определяют буферное государство как «относительно небольшое и нейтральное государство, которое находится между двумя более крупными государствами или политическими единицами».[2] Найт уточняет это определение: «буфер обычно расположен между двумя или более сильными и конфликтующими между собой сферами влияния; [буфер] разделяет соперничающие стороны, чтобы снизить вероятность физического контакта или конфликта между ними».[3] То есть буферное государство, как правило, обладает двумя основными характеристиками:

1. географически находится между геополитическими соперниками;
2. является преимущественно нейтральным по отношению к их противостоянию и тем самым разделяет их сферы влияния, при этом нейтральный статус буферного государства обычно признан геополитическими конкурентами и «вписан» в региональный расклад (некоторые авторы не выделяют нейтральность в качестве атрибута буферного государства, однако без этого атрибута на системном уровне анализа размывается граница между понятиями «буфера» и, например, «сателлита» или «плацдарма»).

Очевидно, что Беларусь полностью соответствует первой характеристике и не соответствует второй. В последние годы Минск демонстрирует стремление занимать нейтральную позицию по отношению к российско-украинскому конфликту и в целом – по отношению к противостоянию России и Запада. Однако нейтральный статус Минска в сегодняшних условиях не имеет полноценного признания со стороны субъектов геополитического конфликта (на системном, а не ситуационном уровне).

Во-первых, Беларусь является военным союзником одной из сторон этого конфликта – России. Во-вторых, другая сторона (Запад) пока отказывается признавать даже саму возможность существования сфер влияния и государств-буферов в Восточной Европе. В-третьих, возникновение белорусского буфера имело бы смысл лишь при условии буферизации всего «серединного региона».

> То есть фактически буфером Беларусь может быть только вместе со всем регионом Восточной Европы.

Как минимум, такой же статус должен быть у Украины и Молдовы. В противном случае буфер-Беларусь не будет иметь никакого практического смысла ни для России, ни для Запада. А в настоящее время Киев и Кишинев позиционируют себя даже не как серединные страны, а как «передовые линии фронта» в цивилизационной борьбе Запада с Россией.

Более того, различные региональные акторы (главным образом, менее крупные государства региона) не учитывают нейтральные устремления Минска в своей внешнеполитической деятельности. В отличие от Беларуси, они считают, что дальнейшая международная эскалация соответствует их интересам, и предпринимают дипломатические и информационные меры для ее стимулирования. Такая линия поведения не только входит в противоречие с

белорусской, но и существенно ограничивает возможности самого Минска строго следовать нейтральной линии (так как постоянно «тестирует» Беларусь на нейтральность в зачастую искусственно создаваемых ситуациях).

Защитный кордон для более сильного?

Часто можно встретить и другое определение буфера, которое отражает не системные расклады, а стремление более сильных государств в одностороннем порядке использовать меньшие государства в качестве защитного кордона от угроз собственной безопасности. Такое определение вряд ли можно считать научным, так как оно слишком «размыто» и позволяет достаточно произвольно использовать категориальный аппарат. Тем не менее, оно распространено в публицистике и медийной сфере.

В духе именно такого определения президент Польши Анджей Дуда заявил в интервью Financial Times в августе 2015 года, что НАТО обращалось с его страной как с буферным государством.[4] Он обосновал свое утверждение «диспозицией баз НАТО»: альянс не имел постоянного и серьезного военного присутствия на территории Польши и в Восточной Европе в целом. Это, по мнению польского президента, свидетельствовало о том, что своей окраиной НАТО рассматривало Германию, а Польшу – буфером. Очевидно, что президент Дуда использовал такой подход к определению буферного государства в политических целях. Однако попробуем «приложить» это определение к анализу места Беларуси в региональной безопасности.

С одной стороны, некоторую параллель найти можно. Как известно, в 2016 году Россия открыла в непосредственной близости с границей с Беларусью две военные базы: в Клинцах Брянской области и Ельне Смоленской области.

> Эти действия России многие интерпретировали как стремление уйти от ситуации, когда дорогу на Москву с западного направления прикрывает только белорусская армия.

То есть, по сути, как показатель восприятия Беларуси со стороны Москвы именно как буфера.

Однако вне зависимости от российской мотивации создания баз в Клинцах и Ельне анализ будет неполным без одного существенного фактора. Эти базы появились после того, как стало понятно, что Минск не хочет иметь на своей территории российскую авиационную базу и другие формы постоянного военного

присутствия вооруженных сил России. Предложения об открытии в Беларуси российской базы обсуждались не один год. Перед президентскими выборами в Беларуси 2015 года российский президент даже отдал распоряжение своим МИД и Минобороны провести переговоры и подписать межгосударственное соглашение о создании авиационной базы на белорусской территории.

Даже если предположить, что базы в Клинцах и Ельне появились бы в любом случае, сам факт желания иметь авиационную базу в Беларуси может говорить о том, что в качестве буфера Беларусь российское руководство не рассматривало. В желаемых стратегических раскладах ей отводилось другое место – передовой линии обороны (обеспеченной присутствием российских вооруженных сил). К тому же, в последние годы эксперты обращают внимание на проблему, связанную с нежеланием России поставлять союзнику современное вооружение. Такая линия, вероятно, также свидетельствует не о стремлении к буферизации Беларуси, а о намерении «подтолкнуть» Минск к принятию решения в пользу российской базы на своей территории.

Логика Беларуси

Наконец, еще один уровень анализа – сама Беларусь. Заинтересована ли она быть буфером России против НАТО? Или буфером в любом другом виде?

Наверное, ни одно государство в мире по собственной инициативе не выбрало бы для себя роль буфера: не хотело бы ни именоваться буфером, ни жить в постоянном напряжении от конфликта между более сильными государствами. Так и Беларусь, по словам министра иностранных дел Владимира Макея, хотела бы избежать участи «буферной зоны на стыке между Востоком и Западом, потому что в данном случае всегда есть опасность для этой зоны, для этого буфера быть разрушенным».[5]

Однако государства существуют и взаимодействуют не в идеальном мире, а в данных им политических реалиях. И иногда роль буфера может быть не самым худшим вариантом. Например, быть буфером в некоторых обстоятельствах может быть предпочтительнее, чем быть плацдармом одного из противоборствующих акторов против другого. Но чувствовать себя хотя бы минимально защищенным государство-буфер может лишь при наличии системных договоренностей и, соответственно, гарантий. В таком случае государство-буфер обменивает сокращенное поле для собственного маневра на относительную стабильность и предсказуемость. Гарантий же безопасности в Восточной Европе, подчеркнем еще

раз, сегодня нет, и в краткосрочной перспективе их появление не просматривается. В этих условиях стремление к роли буфера для малого «серединного государства» почти самоубийственно.

Таким образом, аналитическая ценность концепции буфера в отношении внешней политики Беларуси сомнительна. Ни на одном уровне анализа эта концепция не помогает понять структурное место и международные возможности страны. Поэтому, очевидно, что для концептуального осмысления Беларуси в системе региональной безопасности необходимы иные подходы.

Евгений Прейгерман – *руководитель экспертной инициативы «Минский диалог».*

1 Комментарий подготовлен в рамках участия в международном семинаре «Россия: вызовы следующего президентского срока 2018-2024 гг.», организованного Французским институтом международных отношений Ifri (Париж, 16 ноября 2017 года).

2 Chay, J. and Ross, T., eds. (1986) *Buffer States in World Politics*. Westview Press: Boulder.

3 Knight, D. B. (1988) 'Review'. *Geographical Review*, 78 (1): 93-95.

4 http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d6749156-410e-11e5-b98b-87c7270955cf.html#axzz3ijBxlHwX

5 http://mfa.gov.by/press/statements/bbc79f3feb92e5d3.html

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»